

Олег ЛЕКМАНОВ

«НАМ» И «НАС» В СТИХОТВОРЕНИИ БРОДСКОГО
«НА НЕЗАВИСИМОСТЬ УКРАИНЫ»¹

*Мы здесь росли и превратились
В угрюмых дядь и глупых тетъ.
Скучали, малость развратились –
Вот наша улица, Господь.*

Сергей Гандлевский

В стихотворении Иосифа Бродского «На независимость Украины», написанном, скорее всего, в январе 1992 года², ни разу не употребляется личное местоимение «я» и производные от него, зато многократно встречаются падежные формы личного местоимения «мы» и глаголы первого лица, множественного числа (курсив в цитатах везде мой – О. Л.): «Не нам, кацапам», мы «с залитыми глазами жили, как при Тарзане», «Скажем им», «Ступайте от нас», «брезгуя гордо нами», «Вашего неба, хлеба / нам – подавился мы жмыхом и потолком – не треба», «Полно качать права, шить нам одно, другое», «Больше» мы «поди, теряли», «Как-нибудь перебьемся».

Кто они, эти «мы», от лица которых проклиняет украинцев Бродский?³

Не будем пока выходить за пределы стихотворения и обратим пристальное внимание на третью его строфу:

Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.

Здесь Бродский, как представляется, отделяет «нас» стихотворения от тогдашних российских ура-патриотов. Он прямо говорит, что, если вспомнить историю России и Советского Союза, то

¹ Эта статья представляет собой сокращенный вариант главы из моей новой книги «Иосиф Бродский как (анти)имперский поэт».

² Бродский никогда не публиковал это стихотворение, однако, как минимум, дважды прочел его публично: на вечере в еврейском центре в Пало-Альто в Калифорнии 30 октября 1992 года и на вечере в Нью-Йорке в Куинс-колледже 28 февраля 1994 года. Чтение было записано на магнитофон, текст с ошибками расшифровали, а затем с этого дефектного списка опубликовали в 13 номере киевской газеты «Столица» за 1996 год. Аутентичный текст впервые появился на странице Живого Журнала Натальи Горбаневской (запись от 17 мая 2008 года). Переславшая его Валентина Полухина сообщила, что это «точный текст, полученный от самого Иосифа» (см.: <https://ng68.livejournal.com/123368.html>). Ниже в статье мы цитируем стихотворение «На независимость Украины» по этой сетевой «публикации». См. также корректную публикацию текста стихотворения в составе статьи: Луан В. Бродский, Украина и порядок // Русская мысль. Париж, 2014. № 53/9 (4924). Сентябрь. С. 6.

³ По моему убеждению, стихотворение Бродского не следует считать персонажным, то есть написанным от лица неких, чуждых поэту «мы». Ср., например, мемуарное свидетельство Григория Фрейдина из письма к автору предлагаемой заметки: «Так случилось, что у меня обедали Иосиф и Чеслав Милош. Последний сказал тогда об этих стихах по-русски: ну, Иосиф, так же нельзя. ИБ с шутливо виноватым лицом только рассмеялся. На этом тема закончилась». Рассмеялся с виноватым лицом, но не стал говорить, что он в «мы» стихотворения не входит.

русским гордиться особенно нечем. Рязань в третьей строфе почти наверняка должна была напомнить читателям о князе Олеге Рязанском, которому традиционно инкриминируют сговор с Мамаем и Ягайло за спиной Дмитрия Донского и предательство Дмитрия¹. А «семьдесят лет» – это, конечно, семьдесят лет советской власти (с 1917 по 1987 гг.), когда весь советский народ, в том числе и русские, а не только украинцы, покорно жили под ярмом и не оказывали решительного сопротивления государству-насилию.

Соответственно, главное обвинение, которое Бродский от лица «нас» предъявляет украинцам – это обвинение, выстроенное в логике «дружба дружбой, а денежки врозь», только дружбу он заменяет на общее несчастье (протицируем финал пятой строфы):

Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще?

В этом горьком вопросе содержится и ответ: мы вместе пережили страшные советские годы, а теперь вы нас бросаете и ищите выгоды в союзе с Западом (в стихотворении Бродского прямо упоминаются поляки, немцы и Канада), а расхлебывать страшные последствия советского владычества предоставляете лишь нам².

Об этом Бродский говорит не только в пятой строфе стихотворения, но и в шестой, согласно которой украинцы пытаются повернуть время «вспять» и сделать вид, что никакого общего прошлого у них с россиянами не было:

Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
отвернутыми углами и вековой обидой.

Итак, «мы» в стихотворении Бродского это те россияне, которые, с одной стороны, ненавидели советскую империю, а с другой – ставили Украине в вину поспешный разрыв с Россией в один из наиболее драматических моментов ее истории.

Если мы теперь попробуем вписать стихотворение «На независимость Украины» в исторический контекст 1991–1992 годов, то увидим, что взгляд Бродского был общим для очень большого количества россиян, живших как в Советском Союзе, так и на Западе. Сразу же отметим, что речь далее пойдет не о текстах, которые Бродский непременно читал, то есть не об источниках его стихотворения, а о текстах, в которых высказывалась точка зрения на события, близкая той, что выражена в стихотворении «На независимость Украины». Разумеется, далеко не все россияне разделяли подобную точку зрения и в декабре 1991 – январе 1992 гг.

До этого периода среди тех «нас», от лица которых Бродский написал свое стихотворение, в отношении Украины господствовали, скорее, благодушные настроения. В начале 1992 года публицист Анатолий Стреляный (украинец по национальности) по свежим следам вспоминал атмосферу времен поздней перестройки:

¹ Напомним также, что вице-губернатором, а затем председателем Казённой палаты в Рязани некоторое время служил М.Е. Салтыков-Щедрин.

² Можно поручиться, что Бродскому не показалась (бы) убедительной логика, например, такого письма жительницы города Йонкерс Марин Кисюк, под выразительным заглавием «Не обвиняйте Украину в чужих грехах», опубликованного в номере газеты «Нью-Йорк Таймс» от 9 января 1992 года (цитирую в русском переводе): «Украинцев обвиняют в событиях, которые они не контролировали. Будучи поработанной нацией, не имеющей правительства, которое могло бы разрабатывать и проводить собственную политику, украинцы страдали от преследований, эксплуатации и классового геноцида, унесшего миллионы жизней. Возмутительно обвинять украинцев в деяниях, совершенных русской большевистской или Белой русской армией, основной целью преследования которых было как раз украинское население. Только свободная и полностью независимая Украина может нести ответственность за то, что происходит на ее земле» (*Kiciuk M. Don't blame Ukraine for Sins of Others // New York Times. 1992. 9 января*).

Уже мне попадались первые секретари украинских райкомов, которые высказывались за уход из-под Москвы, а мои русские друзья... «Ну, что ты говоришь такое! Всегда были вместе, а теперь разойдемся?!»¹

Поэтому, например, тон обращения к украинцам, взятый в статье Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения», написанной в июле 1990 года, можно определить как ласково-увещательный. Но и Солженицын напоминал украинцам про общее советское прошлое: «Братья! Не надо этого жестокого раздела! – это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован – вместе и выберемся»².

Тем болезненное недавние «русские друзья» (воспользуемся формулой А. Стреляного) Украины восприняли даже не столько сам акт провозглашения ее независимости, принятый Верховной Радой 24 августа 1991 года и поддержанный 90,32 % участников общенационального украинского референдума 1 декабря 1991 года, сколько последующее жесткое поведение Украины в отношении России. Особое недовольство вызвали у «русских друзей» Украины ее претензии на немедленное создание собственной армии и флота³.

«Грозными проклятиями проводили строптивую сестричку слившиеся в горести одной демократы и государственники», – еще 9 декабря 1991 года иронически констатировал обозреватель журнала «Коммерсантъ Власть»⁴.

Реакция «государственников», то есть представителей так называемой «русской партии» на обстоятельства, сопровождавшие отделение Украины от России, нас сейчас не интересует. «Государственники», как уже было сказано, явно не входили в то «мы», от лица которого было написано стихотворение Бродского. Однако и многие российские демократы отреагировали на события конца 1991 и, особенно – начала 1992 года чрезвычайно болезненно. В качестве примера приведем здесь с небольшими сокращениями заметку из того же «Коммерсанта» от 13 января 1992 года с выразительным названием «Владимир Лукин нажаловался американцам на Украину». Кроме Лукина, действующими лицами этой заметки стали еще два российских политика с устойчивой репутацией демократов:

6 января состоялась встреча председателя Комитета ВС Российской Федерации по международным делам и внешнеэкономическим связям Владимира Лукина с делегацией конгресса США во главе с Сомом Гибсоном. В доверительной беседе Лукин посетовал на нарушение Украиной беловежских и алма-атинских договоренностей и просил американцев оказать давление на недисциплинированного Леонида Кравчука. <...> ...главный парламентарий-международник <...> нажаловался американцам на плохое поведение Киева, который, претендуя на Черноморский флот, нарушает минские и алма-атинские договоренности. Как стало известно из кругов, близких к Белому дому,

¹ Стреляный А. Притязания перебежчика // Континент. Париж. 1992. № 2 (72). С. 203–204. Напомним, что Бродский входил в редколлегия «Континента».

² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Солженицын А. И. Публицистика: в 3-х тт. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 546.

³ Приведем здесь лишь одну цитату – из интервью тогдашнего главнокомандующего Объединенными вооруженными силами СНГ маршала Евгения Шапошникова, данного газете «Комсомольская правда» 5 января 1992 года: «В условиях развалившегося Союза о каких-то единых структурах говорить не приходится. Но главная моя задача заключается в том, чтобы решить все проблемы без страданий, без крови и без ущерба для армии. А для этого необходим переходный период. Года два, а может и больше. За это время, не покушаясь на право каждого государства иметь свои Вооруженные Силы, надо решить все социальные вопросы, тревожащие армию, пересмотреть все законодательные акты, принятые бывшим Союзом и министерством обороны. Поспешность, с которой действует Украина, носит деструктивный характер. Нельзя опять делиться на “наших” и “не наших”» (Крайний А. Совпадает ли курс Кравчука с линией Маннергейма // Комсомольская правда. 1992. 7 января).

⁴ Коммерсантъ Власть. 1991. 9 декабря.

Лукин попросил конгрессменов поддержать Россию и оказать давление на Украину. При этом он не исключил, что Москва может прибегнуть к действиям силового характера.

Наблюдатели не считают жесткость выражений Лукина в адрес Украины случайностью. Три дня спустя на встрече с сотрудниками МИД России вице-премьер Геннадий Бурбулис почти в тех же осторожных, но тем не менее определенных формулировках подтвердил позицию российского руководства в отношении с Киевом. И уж совершенно откровенно высказался мэр Петербурга Анатолий Собчак, предложив увязать вопрос о судьбе Черноморского флота с проблемой Крыма. Как считают эксперты, рождественские просьбы Лукина к американцам стали началом масштабной кампании давления на украинского президента: Россия не намерена более идти на уступки¹.

Если в «коммерсантовской» заметке ругательная риторика по понятным причинам не использовалась, в большой статье Александра Минкина «Президентская рать», опубликованной во втором номере ультралиберального московского журнала «Столица» за 1992 год (подписан в печать 9 января) желчь и обида просто переливались через край.

Как и Бродский, Минкин начинает свою статью с переосмысления результатов Полтавской битвы, в эпиграф у него вынесена цитата из Пушкина: «И грянул бой. Полтавский бой!»² (у Бродского в зачине стихотворения: «Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, / слава Богу, проиграно»). Как и Бродский, Минкин сопоставляет события конца 1991 – начала 1992 гг. с Брестским миром 1918 года: «Ельцин гордился своим Брестским миром (ну, нету у наших начальников ни вкуса, ни слуха)»³ – сравните у Бродского в зачине стихотворения, с намеком на Ленина: «Как говорил картавый, / время покажет»⁴. Как и Бродский, автор статьи «Президентская рать» уличает украинцев в отказе от христианства и, по-видимому, от христианских нравственных ценностей – он обзывает президента Украины «нехристом»⁵; в стихотворении Бродского «На независимость Украины» об украинском флаге сказано: «даром, что без креста: но хохлам не надо». Как, по-видимому, и Бродский, Минкин в своей статье обыгрывает не только то, что в Канаде живет очень много украинцев, но и то, что Украина «заказала у канадской фирмы Canadian Bank Note Co. (Оттава) 1,5 млрд банкнотов, деноминированных в гривнах»⁶. Минкин пишет: Кравчук «постоянные карбованцы в Канаде заказал. Там ему канадские мастера за американские доллары украинских карбованцев наштампуют – гуляй – не хочу»⁷ (у Бродского говорится об украинском флаге с намеком на чернобыльскую катастрофу и с едва ли не намеренным спутыванием флага советской Украины с флагом советской Белоруссии: «То не зелено-квитный⁸, траченный изотопом, – / жовто-блакитный реет над Конотопом, / скроенный из холста: знать, припасла Канада»). Как и Бродский, Минкин густо насыщает свою статью издевательски звучащими украинизмами: «Жовто-блакитный Кравчук»⁹ (у Бродского: «жовто-блакитный реет над Конотопом»), «...что ж я могу зробить, когда у мэнэ в парламенте таки хитры хохлы»¹⁰ (у Бродского: «Прощевайте, хохлы!»), етс. Как и Бродский, Минкин не брезгает обценными намеками и шуточками: «Шан-

¹ Коммерсантъ Власть. 1992. 13 января.

² Минкин А. Президентская рать // Столица. 1992. № 2. С. 5.

³ Там же.

⁴ С. Г. Павлов в своей не слишком убедительной статье о стихотворении Бродского приводит параллель к этим строкам из статьи Ленина «О праве наций на самоопределение», но у меня нет уверенности, что Бродский шгудировал труды основателя советского государства (см.: Павлов С. Г. «На независимость Украины» И. А. Бродского в контексте украинской евроинтеграции // Труды Нижегородской духовной семинарии. Сборник работ преподавателей и студентов. Вып. 19. Нижний Новгород, 2021. С. 465).

⁵ Минкин А. Президентская рать. С. 6.

⁶ Запад готов предоставить Украине членство где угодно. Но не в ядерном клубе // Коммерсантъ Власть. 1991. 9 декабря. Но дело, конечно, было не только в купюрах. Канада стала одной из первых стран, признавших, хотя и с выставлением условий, независимость Украины.

⁷ Минкин А. Президентская рать. С. 6.

⁸ Зелено-красным в советское время был флаг Белоруссии, а украинский – сине-красным.

⁹ Минкин А. Президентская рать. С. 5.

¹⁰ Там же.

тажируя неприсоединением, украинский эсэнговник ставит Ельцина в не слишком пристойные позы»¹ (у Бродского: «Пусть теперь в мазанке хором Гансы / с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы») – сравните также высказывание уже упоминавшегося нами выше Владимира Лукина, инкрустированное в статью Минкина: «Мы не позволим Украине посылать себя на три буквы. Даже если эти буквы – СНГ»² и схожий эвфемизм в стихотворении Бродского: «Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире, / по адресу на три буквы...». Как и Бродский, Минкин напоминает читателям про общее советское прошлое России и Украины:

Украинский президент – профессиональный интернационалист. Верный ленинец с 33-летним стажем. <...> Украинская цензура была на первом месте в СССР. <...> Неудобные скульптуры заливались бетоном. Все, что «про евреев», запрещалось строжайше»³.

Главное же – как и Бродский, Минкин (и другие «русские друзья» Украины в диапазоне, приблизительно, от Солженицына до Ельцина⁴) не хотел и, по-видимому, не мог принять и признать национальную субъектность украинцев, их желание жить отдельно, своим умом, без сколь угодно дружеской и деликатной опеки «старшего брата». В этой точке либерализм «русских друзей» Украины заканчивался, и властно вступало в свои права их имперское подсознание, сформированное, в первую очередь, годами, проведенными в Советском Союзе.

В частности, Минкин в своей статье не только иронизирует над украинцами, но и прогнозирует: «Горбачев <...> пытался по телевизору зарядить украинцев, дать им установку на Союз. <...> громодяне не поддались (о чем, вероятно, еще пожалеют)»⁵.

Мы сегодня знаем цену этому прогнозу. Как и тому, который был сделан Бродским в десятой, последней строфе стихотворения «На независимость Украины»:

С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придет и вам помирать, бугай,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Исчерпав весь набор имевшихся у него в запасе инвектив, Бродский для финала приберег самый сильный, как казалось ему, и многим из тех «нас», от чьего лица было написано стихотворение «На независимость Украины», аргумент. В заключительных строках речь у него заходит о русской культуре, представленной именем главного русского поэта. А обращение к этой теме, возможно, помимо сознательной воли автора, запускает основополагающий для русской и советской культурной памяти механизм. Раз русская культура великая, то можно прекратить игру в смирение («не нам, кацапам...») и без тени сомнений, в приказном порядке («будете») смоделировать якобы неизбежную переориентацию оторвавшихся от русских культурных корней украинцев. Перед смертью они де будут хрипеть русские «строчки из Александра» Пушкина, а не «брехню украинца Тараса Шевченко»⁶.

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

⁴ Напомним здесь о скандальном заявлении тогдашнего ельцинского пресс-секретаря Павла Вошанова, сделанном после того, как Верховная Рада приняла акт о провозглашении независимости Украины. В этом заявлении содержалась угроза «поставить вопрос о пересмотре границ» бывших союзных республик (см., например: Российская газета. 1991. 27 августа). Впрочем, заявление Вошанова было почти сразу же дезавуировано.

⁵ Минкин А. Президентская рать. С. 5.

⁶ Прочитируем здесь в переводе на русский язык суждение Ольги Бертельсен о финале стихотворения Бродского: «сама логика, стиль и тон стихотворения привели текст к неизбежному выводу о превосходстве русской культуры: поэзия Пушкина была первозданной, вечной и проявлением “высокой” культуры, тогда как поэзия Шевченко была обманчивой, неискренней и репрезентирует обывательскую

Позволим себе предположить, что, создавая стихотворение «На независимость Украины», Бродский надеялся во второй раз высечь сильный парадоксальный эффект из самой биографической ситуации, сопровождавшей его написание: изгнанный из России на Запад отщепенец от лица россиянина проклинает добровольно присоединяющихся к Западу украинцев. В первый раз такого эффекта Бродскому удалось достичь, когда он, уже в статусе эмигранта, написал оду-некролог маршалу Жукову. «Вообще-то я считаю, что это стихотворение в свое время должны были напечатать в газете “Правда”», – полушутливо сообщил Бродский Соломону Волкову¹.

Сегодня, однако, очевидно, что в случае со стихотворением «На независимость Украины» запланированный Бродским эффект не состоялся, в отличие от другого, автором, вероятно, не предусмотренного. Проявившееся в финале стихотворения высокомерное отношение «нас» к украинской культуре привело к тому, что украинцы закономерно воспринимают русскую культуру как враждебную и отвечают агрессией на агрессию, в частности, сносят памятники Пушкину, как метки, расставленные когда-то чужаками в качестве знаков русского и/или советского присутствия в их стране.

Впрочем, непризнание «нами» и не только «нами» за украинцами права на абсолютную сепарацию от России в итоге привело к куда более страшным последствиям.

Р. С. Роман Лейбов, с которым были подробно обсуждены все версии этой статьи, в письме обратил наше внимание на то, что

украинский вопрос уже начиная с 1840-х годов представлял проблему не столько для сторонников нового национального единства (мысливших его как общеславянское), сколько для имперских “западников” вроде В.Г. Белинского, решительно отвергавшего поэтику и тематику Шевченко. В известном письме критика к П.В. Анненкову (начало декабря 1847 года) поражает сходство с интонациями стихов Бродского инвективного лексического буйства Белинского, легко соединяющего политические, кулинарные и личные выпады: “...здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля – один на г-осударя и императора, другой – на г-осударыню и императрицу. Читая пасквиль на себя, г-осударь хохотал, и, вероятно, дело тем и кончилось бы, и дурак не пострадал бы, за то только, что он глуп. Но когда г-осударь прочел пасквиль на императрицу, то пришел в великий гнев, и вот его собственные слова: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?» И это понятно, когда сообразите, в чем состоит славянское остроумие, когда оно устремляется на женщину. <...> Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше. <...> Ох эти мне хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя – все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедывать отторжение от него области?»² К этим “петербургским” контекстам (с наложенным на них скрытым комплексом еврейских обид) отчасти и восходит яростная, исторически несправедливая и исключительно выразительная инвектива Бродского. То есть важным для понимания смысловых оттенков стихотворения «На независимость Украины», не в последнюю очередь, оказывается петербургское происхождение автора. Стихотворение продолжает антипошвенническую линию петербургских западников, презиравших и условную Рязань, и украинцев с их любовью к земле. Вероятно, именно с этим связано обилие в стихотворении этнических мотивов, а также мотивов, воплощающих тему еды (“семечки”, “курицу из борща”, “вареник”, “кавуны”) с возможным намеком на ленинградскую блокаду (“Вашего неба, хлеба / нам – подавись мы жмыхом и потолком – не треба”).

культуру» (Bertelsen O. Joseph Brodsky's Imperial Consciousness // Scripta Historica. 2015. Vol. 21. P. 277).

¹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000. С. 54.

² Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13-ти тт. Т.12: Письма 1841–1848. М., 1956. С. 441–442.